

На правах рукописи

Гурьева Оксана Юрьевна

Гражданское право по Псковской Судной грамоте

12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Казань 2003

Диссертация выполнена в НОУ Самарская Гуманитарная академия

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Леонович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Архипов Игорь Валентинович

доктор юридических наук, профессор
Горбачев Иван Георгиевич

Ведущая организация: Ульяновский государственный
университет

Защита состоится 19 января 2004 года в 12 часов на заседании диссертационного Совета К.212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, юридический факультет, аудитория 326.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 17 декабря 2003 года.

Ученый секретарь диссертационного Совета
кандидат юридических наук, доцент

Г.Р.Хабибуллина

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертации. Русское средневековье характеризовалось разделением публично-правовой сферы на параллельные системы, что нашло отражение в период феодальной раздробленности. Одним из наиболее самобытных регионов в это время являлась Северо-Западная Русь, в состав которой входили Новгородская и Псковская земли, Полоцкое княжество. Псковская Судная грамота является крупнейшим памятником русского права в период XII-XV вв. и дает уникальный материал для характеристики правовой системы не только Псковской земли, но и средневекового русского права вообще. Именно по этой причине тема «Гражданское право по Псковской Судной грамоте» является фундаментальной при изучении средневекового отечественного права.

Грамота содержит в себе правовые положения, которые позволяют говорить о начале нового этапа развития правовой системы, и по своему значению она вполне сравнима с Русской Правдой, Судебниками Иоанна III и Иоанна IV. Вместе с тем, в Псковской Судной грамоте содержатся правовые нормы и тенденции развития правовой системы, которые уже были накоплены к моменту ее создания. Иными словами, изучение Псковской Судной грамоты является ключевым для понимания русской правовой системы XII-XV веков.

Законоположения и нормы Псковской Судной грамоты явились источниками права русского законодательства вплоть до принятия Соборного уложения 1649 года. Такое положение Псковской Судной грамоты в истории русского права придает особое значение изучению данного памятника.

После распада единой Киевской Руси славянские государственные образования северо-западного региона образовали специфическую в этнокультурном, социально-экономическом, политическом и правовом отношении зону, для которой был характерен особый, отличный от Юго-Западной или Северо-Восточной Руси путь эволюции. С одной стороны, в рассматриваемый период – XII-XV вв. – для Северо-Западной Руси был характерен определенный отрыв от реалий жизни большинства русских земель, а иногда ярко выраженная проевропейская ориентация. С другой стороны, ряд правовых институтов и норм, впервые появившихся на северо-западе, в дальнейшем вошли в состав правовой системы Московского централизованного государства. Кроме того, в этом регионе в период политической раздробленности продолжали существовать и изменяться в своеобразном направлении нормы Русской Правды. Таким образом, временное разделение единой древнерусской правовой традиции на несколько параллельных ветвей способствовало ее обогащению, усложнению. Изучение отдельных направлений эволюции правовой традиции периода политической раздробленности представляется важным

для возможно более адекватного восприятия и познания сущности и многообразия форм российской правовой системы.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на особое значение изучения Псковской Судной грамоты для понимания развития правовой системы в XII-XV веках, долгое время не существовало комплексных собственно юридических исследований данного памятника. В XIX – начале XX вв. историки-юристы, обращавшиеся к Псковской Судной грамоте, разрабатывали прежде всего вопросы датировки грамоты, разбивки ее текста на статьи, уточнения перевода и т.п. Попытки анализа текста как Псковской Судной грамоты, так и других источников права Северо-Западной Руси периода феодальной раздробленности отвечали тогдашнему уровню развития науки, на сегодняшний день их невозможно считать соответствующими состоянию современной историко-правовой науки. Среди исследований дореволюционного периода можно выделить две работы, представляющие собой попытку системного рассмотрения норм Псковской Судной грамоты¹. Кроме того, отдельные вопросы, связанные с выявлением источников Грамоты, истории ее становления и эволюции, анализом отдельных ее положений, поднимались в работах Н.Калачова, В.О.Ключевского, Н.Дювернуа, П.Н.Мрочек-Дроздовского, И.И.Василева, Н.В.Кирпичникова, М.Ф.Владимирского-Буданова, П.И.Беляева, Н.Н.Дебольского, П.В.Михайлова, М.М.Боговсловского, Н.Аристова, И.Д.Беляева, Н.И.Костомарова, К.А.Неволина, Б.Н.Чичерина, А.Н.Филиппова, Н.С.Суворова и др.

В последующем Грамота привлекала исследователей прежде всего как источник по социально-экономической истории – именно этот подход стал преобладающим в советской историографии (важно отметить, что большинство работ этого периода носят характер не комплексного исследования, а комментария к тексту Грамоты). Существенный вклад в изучение Псковской Судной грамоты на этом этапе внесли Андреев А.И., П.А.Аргунов, М.К.Рожкова, Б.Б.Кафенгауз, Л.В.Черепнин, А.И.Яковлев, М.М.Исаев, Б.Д.Греков, Н.Н.Масленникова, Л.В.Данилова, В.Н.Бернадский, И.И.Полосин, Ю.К.Авдаков, Н.Л.Пушкарева, Г.К.Амелин, А.А.Зимин, Ю.Г.Алексеев, Н.Н.Покровский, Л.М.Марасинова, В.Ф.Андреев, Ю.В.Оспенников, О.В.Мартышин и др.

Современная наука располагает двумя крупными исследованиями Псковской Судной грамоты², после опубликования которых прошло уже

---

¹ Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. - СПб., 1855; Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. - СПб., 1855.

² Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование: Учебное пособие. – М., 1951; Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. – Л., 1980.

несколько десятилетий, при том из них только одно – учебное пособие И.Д.Мартысевича - является историко-правовым исследованием. По данной теме более 60 лет не защищались диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук. В этой связи представляется особенно актуальным и необходимым новое комплексное историко-правовое рассмотрение Псковской Судной грамоты с учетом достижений современной науки.

В отличие от предыдущей историографии, исследователи 70-90-х годов прошлого столетия в большинстве своем выступали против преуменьшения уровня развития правовой мысли на Руси, характерного для дореволюционной историко-юридической науки. В частности, Н.Л.Пушкарева отметила, что о развитости норм опекунского права говорит наличие в Древней Руси института женского опекунства, которого не знало западноевропейское средневековье, Ю.Г.Алексеев выявил сложную систему правоотношений в рамках наследственного права.

Особое место в исследовательской литературе занимает сфера правового регулирования обязательственных правоотношений. Подход к изучению договорных отношений и грамот, оформлявших эти отношения, как правило, был односторонним, далеким от комплексного анализа. К примеру, первые исследователи Псковской Судной грамоты – Ф.И.Устрялов и И.Е.Энгельман – дали обзор законодательного регулирования договорных правоотношений на основе текста Псковской Судной грамоты, однако совершенно не использовали при этом обширный актовый материал, позволяющий существенно расширить наше представление о средневековых псковских договорах. Другие исследователи, напротив, рассматривая отдельные виды договоров, акцент делали на формально-юридических моментах, сосредотачиваясь на оформлении правоотношения и оставляя «в стороне» анализ его содержания. Здесь следует назвать работу К.Киндякова, который в своем стремлении дать юридическое описание купчих допускал неуместные сопоставления купчих XIV-XVII веков с современными ему законами Российской империи; исследование залогового права, предпринятое Д.Мейером; работа И.Е.Энгельмана о способах приобретения права собственности на землю; ряд других исследований (Н.Н.Товстолеса, Вс. Удинцева, А.С.Звоницкого).

В советское время собственно историко-правовые аспекты изучения средневековых договоров оказались вне сферы интересов исследователей. Краткая характеристика отдельных видов актов с древнейших времен до начала XVIII века была приведена в «Памятниках русского права» (М., 1952-1963. Вып.1-7). Тот же подход был характерен для работы Л.В.Черепнина, который попытался рассмотреть в эволюции систему актов периода феодализма и проследить изменение отдельных видов грамот. Тем не менее для исследования Л.В.Черепнина характерно использование актов в качестве источника по социально-экономической истории и минимальное внимание к собственно юридическому содержанию акта. Помимо социально-

экономического аспекта, ряд работ отличался историко-географическим уклоном при рассмотрении древнерусских грамот (исследования Ю.Г.Алексеева, Л.М.Марасиновой).

В представленном исследовании в центре внимания находятся как формально-юридические аспекты договорных правоотношений, так и их юридическое содержание. При этом рассматриваются те виды договоров, на которые в самом памятнике – то есть в тексте Псковской Судной грамоты – обращается наибольшее внимание, что, в свою очередь, определяет наличие необходимого материала для анализа.

В отличие от предшествовавшей исследовательской традиции в данной работе в целях комплексного рассмотрения гражданского права по Псковской Судной грамоте привлекается максимально широкий круг источников, как законодательных, так и правоприменительных, то есть большое внимание обращается на акты, соединившие в себе фиксацию правового обычая, традиции и юридического прецедента. Соединение этих двух компонентов позволяет говорить о частных актах как об источниках, не только отражавших определенное состояние права, но и воздействовавших на его эволюцию. Следует отметить, что подобный подход не распространен в отечественной науке и является новаторским также для европейской историографии.

Источниковая база исследования не ограничивается текстом Псковской Судной грамоты, Новгородской Судной грамоты и Двинской уставной грамоты: для раскрытия отдельных положений, выявления сущности правовых феноменов и определения тенденций эволюции древнерусского права используются Русская Правда, Судебники Иоанна III и Иоанна IV, Соборное уложение 1649 года, частный актовый материал, государственно-правовые грамоты Пскова и Новгорода, летописный материал, нормы канонического права и т.п.

Объект и предмет исследования. Объектом представленного исследования является Псковская Судная грамота.

Предмет исследования составляют нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения в древнерусском обществе XII-XV вв.

Методология исследования. При определении методологической основы диссертационного исследования автор исходит из понимания методологии как открытой системы, то есть системы, постоянно расширяющейся и усложняющейся в процессе исследовательской работы. В качестве философской основы принята допустимость использования отдельных положений как формационного, так и цивилизационного подходов. Надлежащее соответствие диссертационного исследования современному уровню научного познания обеспечивается использованием широкого набора операций и процедур, присущих современному научному мышлению вообще, всем или большинству наук, в том числе используются системный подход, аксиологический подход, генетический анализ, функциональный (а также структурно-функциональный) анализ,

аттрибутивный анализ, использование методов диалектической и формальной логики и др.

Из числа специально-юридических процедур, приемов и форм исследовательской деятельности помимо традиционно используемых метода интерпретации, сравнительного правоведения, специально-юридического метода и др., особое внимание уделено методологической роли юридических теоретических понятий и юридических конструкций.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в комплексном историко-правовом анализе эволюции институтов древнерусского гражданского права, содержащихся в Русской Правде, Псковской Судной грамоте, Судебниках XV-XVI вв., Соборном уложении 1649 г.

Поставленная цель достигалась путем решения следующих задач:

- определить основные этапы изучения темы диссертационного исследования;
- разработать классификацию видов движимого и недвижимого имущества, соответственно реалиям правовых отношений Северо-Западной Руси XII-XV вв.;
- раскрыть конкретно-историческое содержание и природу таких фундаментальных юридических институтов как право владения, право пользования и право распоряжения;
- определить принципы и механизм правового регулирования земельных отношений в рассматриваемый период;
- исследовать содержание и формы заключения договоров купли-продажи, найма, дарения, мены и займа по источникам права рассматриваемого периода.

Научная новизна диссертации обусловливается поставленными целями и задачами, комплексным подходом диссертанта к рассматриваемой проблематике, разрабатываемой на современном уровне развития методологии. Комплексное рассмотрение всех известных источников права Северо-Западной Руси периода политической раздробленности позволяет по-иному взглянуть как на Псковскую Судную грамоту, Новгородскую Судную грамоту и Двинскую уставную грамоту по отдельности, так и на формирующуюся правовую систему региона в целом; предоставляет возможность выхода на качественно новый уровень теоретических обобщений, для создания новых классификационных схем, для определения и анализа новых правовых институтов, закономерностей их эволюции и т.п.

Положения, выносимые на защиту:

- Псковская Судная грамота юридически закрепила сложную систему вещного права, на основе которой выстраивается не менее сложная система правоотношений собственности. Объем прав собственника по отношению к объекту данного вещного права мог зависеть от правового статуса самого субъекта, от правового статуса объекта и т.п. Совокупность норм Псковской Судной грамоты о праве собственности

- представляется гораздо более разработанной и полной в сравнении с аналогичными нормами Русской Правды, что, несомненно, позволяет говорить о качественно новом этапе развития древнерусского права;
- с точки зрения объема прав по распоряжению земельным участком Псковская Судная грамота выделяет «водерень» и «кормлю». «Водерень» максимально приближено к современному пониманию частной собственности, представляя собой право пользования, распоряжения и отчуждения земли и является дальнейшим развитием института феодальной собственности на землю. С ограничением права собственности связан такой уникальный институт права владения как «кормля». Автор доказывает, что на «кормлю» недопустимо смотреть только в аспекте семейного владения, служилого землевладения или как на ограниченное пользование. Институт «кормли» представляет собой сложное многоплановое явление, выполняющее различные тесно взаимосвязанные функции – юридические и нравственно-этические;
  - договор купли-продажи по Псковской Судной грамоте относился к числу договоров, возникающих в силу простого неформального устного соглашения, представлял собой двустороннюю сделку, содержание которой составляли встречные обязательства сторон правоотношения. Правовое регулирование сделок купли-продажи в Пскове в своих существенных элементах следует за нормами Русской Правды, отстаивая интересы частного собственника, а также интересы индивидуальной собственности перед большесемейной. Наряду с этим обязательственное право средневекового Пскова – в отличие от Русской Правды – знало относительно сложные законоположения, такие как гарантия от эвикции вещи, принцип свободы волеизъявления договаривающихся сторон, допустимость заключения договора представителем продавца и т.п.;
  - договор займа не различался от договора ссуды и нередко заключался без определения процентов с заемного капитала, а интерес займодавца в таком случае заключался как в возможности приобретения заложенной вещи в частную собственность, так и в праве распоряжения плодами данной вещи в течение срока пользования ею на правах залогодержателя. Иными словами, интерес займодавца вступал в противоречие с направленностью самого института залога как средства обеспечения обязательства. Наличие в закладных грамот обязательства заемщика защищать залогодержателя от эвикции вещи еще раз подчеркивает, что сделка займа с залогом недвижимых вещей по своему содержанию является приобретением права пользования, а затем и права собственности на заложенную вещь. Тот же характер имеет передача залогодержателю грамот, подтверждающих право владения или право собственности на заложенное имущество;
  - другие виды договоров, которые знает Псковская Судная грамота, генетически связаны с определенным архетипом договорного правоотношения, который условно можно назвать «ряд». Эта общность

происхождения наиболее ярко проявляется в оформлении обязательственных правоотношений – в формуляре частных актов.

Научно-практическая значимость. Теоретические положения и обобщения, содержащиеся в диссертации, позволяют откорректировать систему категориальных понятий, характеризующих средневековое древнерусское право, расширить существующее представление о видах вещей, о форме и содержании обязательственных правоотношений, об особенностях поземельного правового регулирования. Практическая значимость исследования определяется тем, что сформулированные в диссертации выводы и положения могут быть использованы:

- в научных исследованиях по проблемам истории отечественного государства и права;
- в учебном процессе при изучении курсов «История отечественного государства и права», «Отечественная история».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации:

- отражены в монографии и 6 научных публикациях автора;
- докладывались на ежегодных итоговых научно-практических конференциях в Самарской гуманитарной академии (2000-2003 гг.); межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической ответственности» (г. Тольятти, 24-25 апреля 2003 г.);
- результаты исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры теории и истории государства и права Самарской гуманитарной академии.

Выводы и предложения диссертанта внедрены в учебный процесс Самарской гуманитарной академии, Волжского университета им. В.Н.Татищева, используются при подготовке лекций и проведении семинарских занятий по истории отечественного государства и права.

Структура диссертации подчинена целям и задачам исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

II. Содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи диссертационного исследования, его научная новизна, теоретико-методологические основы авторского анализа, излагаются основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, ее апробация.

В первой главе «Историография проблемы» выделяются основные этапы изучения темы представленного диссертационного исследования, рассматриваются отличительные особенности каждого этапа. В историографии Псковской Судной грамоты автором были выделены два этапа: на первом Грамота изучалась прежде всего как юридический памятник и основными ее исследователями были историки-юристы. В этот период была выработана традиция толкования текста Грамоты, ее разбивка на статьи, был поставлен ряд вопросов юридического содержания памятника и истории его текста. На втором этапе Грамота рассматривалась историками как источник по социально-экономической истории.

В исследовательской литературе XIX века были заложены основания изучения обязательственного древнерусского права, при этом в качестве иллюстративного материала широко использовались нормы Псковской Судной грамоты. В ряде работ Грамота являлась предметом самостоятельного изучения, при этом наибольшее внимание уделялось проблемам датировки и определения источников Грамоты. Анализ правовых норм Псковской Судной грамоты проводился в отрыве от рассмотрения сохранившегося правоприменительного материала. Тем не менее, в исследованиях И.Е.Энгельмана, Ф.И.Устрялова, В.О.Ключевского было выработано представление о Грамоте как об одном из памятников древнерусского права, сопоставимом с Русской Правдой или Судебником Ивана III. В этот же период была разработана разбивка текста Псковской Судной грамоты на статьи, составлена система содержащихся в Грамоте норм обязательственного, наследственного, процессуального права.

В дореволюционной историографии преобладало мнение, что памятник образовался путем постепенной приписки новых статей к старым и что существующий порядок статей отражает историю составления текста грамоты. Наиболее последовательно эта мысль проведена в исследованиях И.Е.Энгельмана и П.Н.Мрочек-Дроздовского. Однако еще Н.Н.Мурзакевич высказал мысль, развитую впоследствии П.Е.Михайловым, о возможности перемещения листов грамоты при ее переписке.

В настоящее время принято мнение, что Псковская Судная грамота является сложным памятником, в состав которого вошли как минимум две княжеские грамоты (если принять предположение К.М.-ого, то три – Константина Дмитриевича Белозерского, Александра Невского и Александра Федоровича Ростовского) и одновременные записи псковских обычаев – «пошлины». Дошедший до нас памятник можно условно назвать третьей редакцией Грамоты (первоначальный текст – 1397 г., вторая редакция – 1409-1424 гг.).

Собственно юридическому анализу Грамоты после Октябрьской революции практически не уделялось внимание, за исключением учебного пособия И.Д.Мартысевича, в большей степени обобщающем достижения предшествовавшей историографии. Последние фундаментальные труды Ю.Г.Алексеева ориентированы на рассмотрение Псковской Судной грамоты

как источника по социально-экономической истории, а не как юридического сборника.

Вторая глава «Право собственности по Псковской Судной грамоте»

Первый параграф «Недвижимое имущество» посвящен рассмотрению норм, устанавливающих правовой статус недвижимых вещей. Диссертантом воспринято выдвинутое предшествовавшей историографической традицией положение о том, что нормы Псковской Судной грамоты, регулирующие право собственности на недвижимое имущество, восходят непосредственно к Русской Правде, как первой кодификации древнерусского права. Однако, если Русская Правда как памятник феодального права всесторонне защищает интересы господствующего класса и соответственно привилегированной собственности, нормы Псковской Судной грамоты испытали гораздо большее воздействие архаических способов регулирования поземельных отношений и, соответственно, в Грамоте акцент сделан на выделении иных видов недвижимых вещей.

Автором диссертационного исследования были разработаны несколько видов классификационных схем, позволяющих систематизировать современное представление о видах недвижимых вещей в средневековом отечественном праве.

В современном гражданском праве признаком недвижимости, изначально лежащим в ее законодательном определении, является неперемещаемость определенных объектов гражданского оборота. Именно это свойство недвижимых вещей предполагает неизбежную специфику их оборота по сравнению с оборотом движимых по природе вещей, что обуславливает наделение их особым статусом. Напротив, в праве древнего Пскова критерием определения недвижимого имущества являлась особая хозяйственная функция – наиболее значимая для выживания сельской или городской общины. Очевидно, что в центре понятия недвижимости находилась земля, земельные участки, которые подразделялись на четыре основных вида, в некоторых случаях разнившихся по своему правовому статусу: дворовые (участки под дворовыми постройками), оромые (пахотные), лешие (участки под лесом) и угодыя («пожни», а также «ловли» – то есть водные участки).

В понятие недвижимых вещей («отчины») помимо собственно земли входили объекты, непосредственно связанные с земельным участком – постройки (жилые и хозяйственные), насаждения («борти» представляют собой «бортные» деревья) и т.п.

С точки зрения объема прав по распоряжению земельным участком Псковская Судная грамота выделяет «водерень» и «кормля». «Водерень» максимально приближено к современному пониманию частной собственности, представляя собой неограниченное право пользования, распоряжения и отчуждения земли и является дальнейшим развитием

института феодальной собственности на землю, зафиксированного в нормах Русской Правды. Напротив, «кормля» – как один из видов вещных прав на землю – представляет собой ограниченное право владения и является результатом лучше сохранившихся, по сравнению с юго-западными русскими землями, общинных традиций.

Если за классификационный критерий при вычленении видов недвижимых вещей взять субъекта права владения, то следует выделять земельные участки, принадлежавшие частным собственникам, сябрам-совладельцам (сябренными объединениями являлись как физические, так и юридические лица, не подвластные другому лицу (независимые, не находящиеся в услужении), не связанные территориальной или родственной общностью, то есть социальный состав товариществ сябров мог быть весьма широким) и общинникам (членам сельских и городских общин). Эти земли также имели разный правовой режим, определявшийся в связи с объемом прав по распоряжению недвижимостью данного владельца.

С точки зрения хозяйственного назначения можно выделить три группы земельных угодий. К первой группе относятся земля под двором и сами дворовые постройки, пахотная земля и сенокосы, а также рыбные ловли («вода») - наиболее значимые для выживания крестьянского хозяйства участки земли. Именно эти земли в первую очередь становятся объектом индивидуального, личного владения отдельного домохозяина. Вместе с тем, община, как сложный организм, ориентированный на выживание коллектива даже за счет ограничения частных индивидуальных интересов, определяет жесткие рамки в распоряжении этими угодьями, стремясь не допустить их потерю для общины. Споры по этим участкам решаются на основе не только грамот, но и показаний соседей, свидетельства которых должны подтвердить факт реального владения землей, ее обработки.

Ко второй группе относятся лес, борти, пустоши, «малые селища» и т.п. – угодья, которые не являлись жизненно важными для домохозяйства или общины в целом. В случае возникновения спорного дела относительно данного вида угодий решение принималось на основе формально-юридического подхода, доказательствами являлись грамоты. Если эти земли обрабатывались, они переходили в первую группу, изменяя свой статус.

К третьей группе относились объекты, имеющие хозяйственное значение для нескольких земельных участков: мосты, каналы, дороги и т.п. Объекты этой группы находились в сфере коллективной ответственности владельцев всех земельных участков, связанных с ними, и, соответственно, в общем пользовании.

Наконец, важнейшее значение имело деление земельных участков по правовому статусу – в первую очередь «отчины» и «купли». Данное деление связано с сохранявшимся влиянием большесемейной собственности, которое накладывало определенные ограничения на приобретателя «отчины». В диссертационном исследовании – в отличие от предыдущей историографической традиции – оба вида недвижимых вещей различаются

не столько по способу приобретения, сколько по правовому статусу. Так, «своя купля» могла передаваться по наследству, как и «отчина», и, напротив, «отчина», даже отчужденная два или три раза, могла быть выкуплена потомками-«отчинниками», то есть сохраняла свою специфику, не будучи связана с последним продавцом, то есть Псковская Судная грамота впервые в истории древнерусского права законодательно установила право родового выкупа земли.

Псковская Судная грамота знает два основных способа приобретения права собственности на недвижимое имущество: приобретение собственности по истечении срока давности (впервые появляется в русском законодательстве); приобретение собственности по договорам или завещанию. Показательно, что институт приобретения собственности на землю по давности владения был воспринят последующим законодательством, перешел в Судебники, хотя и в несколько измененном виде.

Приобретение и прекращение права собственности удостоверялось, в первую очередь, на основе показаний свидетелей, а также путем представления различных актов: купчих, духовных, меновных и др. грамот.

Во **втором параграфе «Движимое имущество»** анализируются нормы, регулирующие установление и прекращение права собственности на движимые вещи, выявляются базовые принципы и юридические институты, определявшие порядок осуществления сделок с ними.

Псковская Судная грамота, в отличие от предшествующего и последующего законодательства, подробно регулирует вопросы, связанные с правовыми отношениями, объектом которых являлось движимое имущество. Если в Русской Правде вообще не рассматриваются способы приобретения права собственности, то в Грамоте обстоятельно рассматриваются несколько вариантов. Однако в вопросе о защите права собственности Псковская Судная грамота следует в русле установившейся правовой традиции, повторяя нормы Русской Правды и Двинской уставной грамоты.

Движимое имущество Псковская Судная грамота делит на «животное» (скот) и «назрячее» (все остальное имущество). Пути приобретения движимых вещей аналогичны приобретению недвижимости, но более разнообразны: по давности владения; находкой; по договорам; по завещанию; приплодом от принадлежащих хозяину животных («рощенное»).

Соответственно, приобретение и прекращение прав на движимое имущество подтверждалось более широким кругом доказательств, нежели прав на недвижимость: показания свидетелей, письменные свидетельства (грамоты), крестоцелование и др.

К характерным особенностям Псковской Судной грамоты следует отнести существование, наряду с индивидуальной собственностью на движимые вещи, семейной или родовой собственности. По мнению автора диссертационного исследования, оба вида собственности являются своеобразными «полюсами», между которыми располагаются переходные

варианты, на существование которых косвенно указывает на особый порядок разрешения имущественных споров между членами одного родового или семейного коллектива - определение имущественных прав на движимые вещи в кругу близких родственников происходило на неформальной основе, отличавшейся от общепринятой практики.

В третьем параграфе «**Пользование чужой вещью**» автор сосредотачивает свое внимание на рассмотрении специфичного института «кормли». На наличие ограничений, касающихся этого вида землевладения, указывал особый порядок приобретения недвижимого имущества – так называемая передача земли «в кормлю».

В исторической литературе, как правило, предлагается наиболее общее определение «кормли» – «пользование вещью, имуществом», фактически повторяя определение, данное В.О.Ключевским - «только пользование». Между тем, такой подход, как доказывает автор диссертационного исследования, очевидно противоречит нуждам юридического анализа данного института. С другой стороны, принятый термин «пользование» допускает различные толкования – в зависимости от того аспекта, который рассматривается в качестве доминирующего.

По мнению автора, под «кормлей» следует понимать право владения (включавшее в себя право использования вещи, извлечения плодов и распоряжения ими) недвижимым имуществом, предоставляемое членам семейно-родственного коллектива. Социальная функция «кормли» – поддержание неполноценных в хозяйственном отношении лиц (наиболее часто – вдовы или дочерей умершего наследодателя).

В диссертации отмечено, что в частных актах Северо-Западной Руси нередко встречается оформление передачи «в кормлю» недвижимого имущества не только конкретному лицу (например, супругу завещателя), но и его потомкам. При этом обычно предполагается передача имущества в дальнейшем по женской линии (например, от дочери к внучке, или от жены к дочери, потом к внучке), а объем имущественных прав различается. Например, наследство могло передаваться «в кормлю» на определенное количество поколений с последующим отчуждением в пользу третьих лиц (как правило, духовной корпорации – монастыря). Другой вариант предполагает передачу наследства жене завещателя «в кормлю» с последующим закреплением его за дочерью «в одерень», либо сразу же «в одерень», без переходной ступени.

С другой стороны, нередко институт «кормли» связывался с передачей имущества и по мужской линии, отчасти сливаясь в таком случае с институтом субституции.

Собственник недвижимого имущества мог предусмотреть при отчуждении своего имущества весьма сложную систему последовательной передачи права пользования им и распоряжения плодами в рамках широкого круга лиц, всегда связанных родственными связями (при этом не ставилось обязательное условие кровного родства). Каждое новое лицо, вступавшее во

владение «кормлей», тем не менее сохраняло ограниченные права в отношении предмета «кормли», не приобретая права распоряжения им.

Таким образом, нормы Псковской Судной грамоты четко определяют круг лиц, получавших имущество «в кормлю» - важнейшим при этом является принцип обязательности семейно-родственных связей с прежним владельцем имущества. Попытки некоторых исследователей ограничить круг «кормленщиков» служилым слоем или состоятельной верхушкой выглядят явно несостоятельными. Рассмотрение института «кормли» позволяет сделать важный вывод о высоком развитии в псковском праве норм, связанных с ограничением права собственности на недвижимость и регулирующих право пользования чужой вещью.

Третья глава «Обязательственное право»

В первом параграфе «Договор купли-продажи» анализируются гражданско-правовые нормы, регулирующие сделки по купле-продаже движимого и недвижимого имущества. Большинство торговых сделок оформлялось устно, без письменной фиксации. Составление формального акта требовалось только тогда, когда купля-продажа была связана с какими-нибудь усложняющими условиями – кредит, поставка и т.п. Крайне редки в источниках права средних веков подробные процедуры оформления торговых сделок – это считалось общеизвестным. Важнейшим источником при анализе договора купли-продажи являются купчие грамоты, акты, фиксирующие в письменной форме переход недвижимой собственности (земли, промысловых угодий, построек) из рук в руки с помощью сделки купли-продажи. Автором представленного диссертационного исследования этот вид источников использовался наряду с нормами Псковской Судной грамоты.

В диссертации выделены важнейшие (существенные) элементы купли-продажи - предмет и цена. Сделка купли-продажи имела двустороннюю природу, при которой обязательство одной стороны связано, обусловлено обязанностью другой. Иными словами, первоначально само соглашение о продаже должно было представлять собой два встречных обещания (продавец обязуется передать вещь, а покупатель – уплатить цену) – в письменном акте эти встречные обещания обретают вид самостоятельных клаузул, определяющих предмет и цену. Формула, посредством которой обозначается предмет сделки (обычно недвижимое имущество), является, как правило, самой пространной частью грамоты.

Предметом купли-продажи могла быть любая вещь, недостатки которой должны были быть вскрыты продавцом при совершении сделки. С вопросом определения объекта связано еще одно значимое условие, на которое обращает внимание Псковская Судная грамота, - это хорошее качество продаваемой вещи.

В ходе проведенного исследования был сделан вывод, что договор купли-продажи в средневековом Пскове относился к числу договоров, возникающих в силу простого неформального устного соглашения, однако, в

отличие от римского права, в древнерусском праве договор считался заключенным не с момента достижения соглашения, а с момента реальной передачи предмета. Об этом говорит формуляр купчих грамот, в который обязательно включаются формулы, указывающие, что цена уже уплачена и вещь передана покупателю. Между тем особенностью псковского формуляра является отсутствие формулы, определяющей цену и факт ее уплаты, а также отсутствует формула, указывающая на факт «завода» земли. Это позволяет предположить, что в псковской земле договор купли-продажи носил не реальный, а консенсуальный характер. Это согласуется с более архаичным – в сравнении с Новгородом – характером псковского права: соглашение сторон как момент вступления в силу договора отражает близость этого вида контрактов к способам фиксации сделки доактового периода.

Одно из важнейших условий при составлении договора купли-продажи – свободная воля обеих сторон. Показательно, что в Русской Правде вовсе не упоминается о свободной воле договаривающихся сторон. Из последующих законодательных актов только Соборное уложение 1649 года вновь возвращается к понятию и последствиям принуждения.

Еще один обязательный элемент договора купли-продажи – полное право собственности продавца на продаваемую вещь. В случае иска о купленной вещи необходимо было сослаться на показания четырех или пяти свидетелей, присутствовавших при торге, в противном случае купивший вещь терял на нее право собственности.

Сопоставление законодательных и правоприменительных актов позволило установить, что договорное право Северо-Западной Руси знало институт эвикции, но также знало и институт гарантии от эвикции вещи, прямо не зафиксированный в законодательных памятниках. В частных актах нередко встречается указание на обязанность продавца «очищать» землю, защищать право собственности покупателя от претензий третьих лиц.

Сделка купли-продажи обязательно заключалась в присутствии свидетелей, даже если составлялась купчая грамота. Кроме того, судя по тексту частных грамот Северо-Западной Руси, удостоверяли сделку не только свидетели заключения договора, но также лица, присутствовавшие при передаче вещи, на «заводе».

Свидетелями во всех актах выступают исключительно мужчины. Женщины, видимо, несмотря на имевшиеся у них право владения и право собственности на недвижимые вещи, не могли выступать свидетелями при удостоверении сделки.

Споры, возникавшие из договорных правоотношений, как правило были подсудны, согласно Псковской Судной грамоте, суду выборных псковских посадников (в пригородах – пригородских посадников) и старост. В процессе разбирательства, традиционно осуществляемом князем, обязательно присутствовали представители городской общины как гарант справедливого решения дела.

Второй параграф «Договор найма» посвящен рассмотрению правоотношений найма, которые впервые в истории отечественного законодательства получили столь подробную правовую регламентацию. Автор диссертационного исследования отмечает, что Русская Правда совершенно не упоминала о договоре имущественного найма. Напротив, Псковская Судная грамота значительно превосходит все законодательные памятники, появившиеся до Соборного уложения, как подробностью определений, касающихся договора найма, так и установлениями о различных видах найма. При этом Грамота различает договор имущественного найма, договор найма услуг и договор личного найма.

В тексте Псковской Судной грамоты содержится четко определенная терминология для обозначения сторон договора найма. В случае имущественного найма наниматель может носить различные наименования, в зависимости от конкретной разновидности найма (например, подсоседник), тогда как наймодаделец определяется как «государь». При личном найме (или договоре найма услуг) наниматель вновь именуется «государем», тогда как нанявшийся может получать различные обозначения. Иными словами, одна сторона в договоре найма находится в несомненно привилегированном положении, что подчеркивается ее определением как «государя». Договор найма в любом его виде – личного или имущественного найма – предполагал приобретение свободным лицом некоторой степени зависимости от другого (от наймодателя или нанимателя), что вело к принижению его социального статуса. В условиях неразделенности социального и правового статуса такое положение нанимателя (в случае имущественного найма) или нанявшегося (в случае личного найма) отражалось в праве и проявлялось, например, в предоставлении законодателем «государю» права выбора способа решения спорного дела.

В третьем параграфе «Договор займа» рассматривается вид договорных правоотношений, который еще в предшествовавшем законодательстве получил подробную регламентацию.

На основе анализа норм Псковской Судной грамоты автор полагает возможным выделять следующие основные способы заключения договора займа, влекущие за собой защиту в суде: 1) заем под обеспечение заклада с написанием форменного заемного акта, засвидетельственная копия которого оставалась в городском архиве; 2) заем под обеспечение заклада, но без удостоверенной формально записки, только по домашней расписке - доске; 3) заем под обеспечение заклада, но без формального акта и без домашней расписки. Выделение этих способов может являться основанием для разграничения видов договора займа, различавшихся в средневековом псковском праве.

В целом относительно всех трех способов заключения договора займа следует отметить центральное место заклада как способа обеспечения исполнения обязательства, в связи с чем в диссертационном исследовании особое внимание уделяется залоговому праву.

Заложенное имущество поступало в пользование заимодавца – либо на фиксированный условиями сделки срок выплаты долга, либо на неопределенный срок, до тех пор, пока должник не сможет расплатиться со своим кредитором. Основанием для правового режима пользования заложенным имуществом являлась грамота, подтверждавшая права собственности должника на данную вещь. В закладных грамотах обычно упоминаются «купные» грамоты (в одном случае – «старая грамота» – также определявшая право частной собственности) – эти грамоты не просто определяли границы земельного участка и его правовой режим, они отождествлялись с недвижимой вещью, олицетворяли ее и акт передачи этих грамот символизировал передачу самого земельного участка. Таким образом, по мнению автора диссертационного исследования, именно передача грамот, определявших заложенную вещь и ее правовой режим, давала заимодавцу право пользования этой вещью и распоряжения ее плодами.

Помимо залога еще одним способом обеспечения исполнения обязательств являлось поручительство. Поручительство могло применяться в тех случаях, когда сумма долга или иного денежного обязательства не превышала одного рубля. Средством обеспечения займа могло быть крестоцелование, клятва на кресте. Видимо, такого рода обеспечение не носило строго формального характера, хотя и обладало некоторой доказательной силой, при условии, что сам факт крестоцелования мог быть подтвержден свидетелями.

При формулировании условий возвращения займа, как правило, подчеркивается, что, во-первых, заемщик должен вернуть ту же сумму, которую он взял в долг, и, во-вторых, что заложенное имущество должно быть выкуплено заемщиком «своими кунами». В следующей клаузуле, определяющей дополнительные условия, подробнее раскрывается значение этой формулировки – имеется в виду, что заемщик не должен занимать деньги у третьих лиц для выкупа своего заложенного имущества.

Четвертый параграф «Договор мены» посвящен анализу правоотношения, которое в тексте самой Псковской Судной грамоты упоминается лишь в одной статье. Тем не менее, автор полагает, что рассмотрение договора мены принципиально важно, поскольку позволяет обнаружить действие в сфере псковского обязательственного права определенных базовых универсальных принципов, оказывавших свое воздействие на разные виды договорных правоотношений.

По мнению автора диссертационного исследования договор мены должен был представлять собой реальный контракт и считаться действительным с момента передачи хотя бы одного из обмениваемых предметов. Кроме того, в исследовании признается возможным распространить на договор мены норму об ответственности продавца за передачу вещи, которая в действительности ему не принадлежала и в дальнейшем могла быть кем-то отсужена у второй стороны. Аналогичным

образом следует признать, что договор мены подпадал под правовое регулирование ст.118 Псковской Судной грамоты, согласно которой в случае обнаружения скрытых дефектов предмета сделки, само правоотношение признавалась недействительным.

В пятом параграфе «Договор дарения» автором рассматриваются общественные отношения, практически не нашедшее отражения в Псковской Судной грамоте, однако широко представленные в актовом частноправовом материале Северо-Западной Руси.

В результате анализа широкого круга источников автор пришел к выводу, что для признания действительности дарения не требовалось совершения специального письменного акта, вполне достаточно было вручения подаренного имущества тому, кому оно назначено, или же – передачи акта, доказывающего право собственности дарителя на это имущество. В качестве удостоверения сделки в тексте самой Псковской Судной грамоты указывается свидетельство сторонних людей, однако акт дарения мог быть подтвержден и священником. По мнению автора, это связано с тем, что в псковском праве дарение не всегда различалось от завещания, нередко составляя одно неразделенное целое.

Частными актами, посредством которых долгое время оформлялись договоры дарения, являлись так называемые «данные» и «вкладные». Как и другие частные акты, «данные» грамоты рассматривались и оформлялись как ряд, то есть договор. При этом для правовой традиции Северо-Западной Руси уже было свойственно понятие стороны правоотношения – среди субъектов, вступающих в отношения, оформляемые данными грамотами, наряду с физическими лицами упоминаются и корпоративные: хозяйственные, родовые, семейные, духовные, военные коллективы.

Подводя итог рассмотрению общих принципов обязательственного права, автор утверждает, что казуистический характер многих норм Псковской Судной грамоты делал ненужной фиксацию универсальных принципов (например, ответственности сторон за качество передаваемого предмета), однако действие этих принципов – предусмотренное при правовом регулировании конкретного вида контрактов – сохранялось и при рассмотрении других видов договоров.

В заключении сформулированы общие выводы, к которым пришел автор в ходе исследования, обозначены проблемы и возможные перспективы будущих изысканий.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

1. Гурьева О.Ю. Гражданское право по Псковской Судной грамоте / Под общей редакцией Р.Л.Хачатурова. – Тольятти: Изд-во Волжск. ун-та им. В.Н.Татищева, 2003. – 126 с.

2. Гурьева О.Ю. О праве собственности на недвижимость по Псковской Судной грамоте // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н.Татищева. – Сер. Юриспруденция. – Тольятти, 2003. - Вып. 27. - С.237-248.
3. Гурьева О.Ю. Движимое имущество по Псковской Судной грамоте // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н.Татищева. Сер. Юриспруденция. – Тольятти, 2003. - Вып. 28. - С.197-204.
4. Гурьева О.Ю. Некоторые аспекты договора купли-продажи согласно Псковской Судной грамоте // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н.Татищева. Сер. Юриспруденция. – Тольятти, 2003. - Вып. 30. - С.157-165.
5. Гурьева О.Ю. Договор займа по Псковской Судной грамоте // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н.Татищева. Сер. Юриспруденция. – Тольятти, 2003. - Вып. 31. - С.177-184.
6. Гурьева О.Ю. Договор дарения по Псковской Судной грамоте // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н.Татищева. Сер. Юриспруденция. – Тольятти, 2003. - Вып. 35. - С.167-179.
7. Гурьева О.Ю. Поручка (поручительство) как элемент института юридической ответственности в Псковской Судной грамоте // Актуальные проблемы юридической ответственности: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Тольятти, 2003. – С.97-99.